

оглавление

предисловие	7
КРАТЧАЙШАЯ ИСТОРИЯ (1922–1991)	12
глава 1	
создание союза	19
ПРОБЛЕМА ОТСТАЛОСТИ	22
РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ В ОЖИДАНИИ	30
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ.....	37
УСТАНОВЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПРАВЛЕНИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА	46
глава 2	
ленинские годы и борьба за роль преемника	56
НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА	67
КУДА ТЕПЕРЬ?.....	76
БОРЬБА ЗА РОЛЬ ПРЕЕМНИКА	81
глава 3	
сталинизм	94
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	98
ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ	105
РЕЗУЛЬТАТЫ	113
«СЪЕЗД ПОБЕДИТЕЛЕЙ»	116
БОЛЬШОЙ ТЕРРОР	123
глава 4	
война и первые послевоенные годы	133
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА	137
ПОСЛЕ ВОЙНЫ	150

глава 5

от «коллективного руководства» до падения хрущева	169
ЭПОХА ХРУЩЕВА	181
В РЕСПУБЛИКАХ	192
ПАДЕНИЕ ХРУЩЕВА	196

глава 6

БРЕЖНЕВСКИЙ ПЕРИОД	202
ЭКОНОМИКА	209
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	215
В РЕСПУБЛИКАХ	222
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН	228
ДИССИДЕНТЫ	234

глава 7

КРАХ	239
ГОРБАЧЕВ И ВНУТРЕННИЕ РЕФОРМЫ	241
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	258
ЭНДШПИЛЬ	261
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	276
БЛАГОДАРНОСТИ	305
ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА	308
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	317
ОБ АВТОРЕ	321
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	323

ПРЕДИСЛОВИЕ

.....

1980-й должен был быть отличным годом для Советского Союза. Спустя 58 лет с момента образования государства и на шестнадцатом году однообразного, но стабильного правления Леонида Брежнева люди могли наконец выдохнуть и почувствовать, что худшее позади. Внутри страны удалось добиться нормализации; будущее должно было быть светлым. После Второй мировой войны Союз Советских Социалистических Республик обрел на международной арене статус сверхдержавы, пусть и второй после США; теперь же он почти добился военного паритета.

Это был тернистый путь — сначала революция и Гражданская война, затем голод 1921 г. и безвременная кончина в 1924-м вождя революции Владимира Ленина. За его смертью последовали новые потрясения: преемник Ленина, Иосиф Сталин, в конце 1920-х гг. приступил к ускоренной индустриализации экономики и коллективизации крестьянских хозяйств, спровоцировавшей голод 1932–1933 гг. Потом была кровавая мясорубка Большого террора 1937–1938 гг., сильнее всего ударившего по коммунистической верхушке, и практически сразу после него — Вторая мировая война, в ходе которой бывшая

страна-изгой вступила в союз с западными державами. Окончание войны и тяжело доставшаяся победа неожиданно и резко возвели Советский Союз в ранг сверхдержавы, столкнув его в холодной войне с Западом. Никита Хрущев, добившийся высшей власти вскоре после смерти Сталина в 1953 г. и смещенный в 1964-м, отличался «волюнтаризмом» и в дни Карибского кризиса 1962 г., казалось, снова поставил страну на грань войны.

После него, наконец, у руля встал Леонид Брежнев, флегматичный и мягкий человек, который не был склонен раскачивать лодку, но направил ее в тихие воды, осознав стремление советских граждан приблизить свой образ жизни к американскому и западноевропейскому. Задачу Брежневу облегчил неожиданный подарок: по состоянию на 1980 г. мировые цены на нефть (а в последние десятилетия Советский Союз превратился в крупнейшего ее производителя и экспортера) удвоились по сравнению с серединой 1970-х гг. и достигли исторического максимума.

Хрущев опрометчиво пообещал, что к 1980 г. страна будет жить при коммунизме. Осторожный Брежнев объявил вместо этого, что в стране построен «развитой социализм». Эта утешительная формулировка обобщила ту экономическую и политическую систему, которая фактически сложилась к этому времени в СССР. Но большая часть советских граждан не имели ничего против. Им хотелось больше потребительских товаров лично для себя, а не коллективного пользования богатствами, как предусматривалось коммунистической



КРОКОДИЛ

№12

1980

ISSN 0130-2671



Рисунок А. ЛЕМЕШЕНКО, И. СЕМЕНОВА

Дело Ленина побеждает, а враги повержены к его ногам.
Карикатура А. Лемешенко и И. Семенова (1980)

моделью общества. Это был момент прощания с революцией, когда она окончательно стала историей. Поколение, которое за нее сражалось, ушло из жизни или на покой, и даже та демографическая когорта (включавшая и Брежнева), которая стала ее выгодоприобретателем при Сталине, уже приближалась к пенсионному возрасту. Ценности самого Брежнева к концу жизни были скорее «буржуазными», как сказали бы революционеры, т. е. весьма далекими от того, что исповедовали его предшественники. (В известном анекдоте тех времен мать Брежнева с тревогой спрашивает сына, который гордо демонстрирует ей свою коллекцию дорогих западных автомобилей: «Леня, а что, если большевики вернутся?»)

Уровень жизни повысился; остро стоявший прежде жилищный вопрос был решен; ни одна национальная или социальная группа не грозила взбунтоваться. Конституция 1977 г., объявившая, что в СССР построено развитое социалистическое общество, утверждала, что «сложилась новая историческая общность людей — советский народ». Конечно, у страны были проблемы: стагнирующая экономика; неповоротливый государственный аппарат, не имевший ни склонности, ни способности к реформам; периодические вспышки недовольства советской опекой в Восточной Европе; сложности с США и продолжением политики «разрядки». Кроме того, в самом Советском Союзе возникло небольшое движение «диссидентов», которое практически не пользовалось поддержкой среди населения, зато имело

тесные связи с западными журналистами. После того как 24 декабря 1979 г. советские войска вошли в Афганистан, летние Олимпийские игры, которые парадно открылись в Москве в июле 1980 г., стали мишенью для международной кампании за их бойкот.

За годы холодной войны Запад слепил из Советского Союза тоталитарный жупел, уравнивая коммунизм с нацизмом в качестве антитезы западной демократии; одной из несущих конструкций этой теории было представление, будто тоталитарный режим, раз установившись, не способен к изменениям и может быть свергнут только силовым вмешательством извне. Однако эта идея стала казаться менее убедительной после смерти Сталина, когда режим не только не пал, но и продемонстрировал способность к радикальным переменам. К 1980 г. термин «тоталитаризм», оставаясь ярким и эмоционально заряженным для западной публики, потерял свою привлекательность в академических кругах; среди прочих его критиковали американские политологи Стивен Козн и Джерри Хафф. Даже консерваторы, 60 лет лелеявшие надежду на неминуемый крах советского режима, распрощались с ней, особо того не афишируя.

Роберт Бирнс, выступая на конференции, где собрались ведущие американские советологи, выразил общее мнение, заметив: «Все мы согласны, что равно неправдоподобно как то, что Советский Союз станет демократическим государством, так и то, что он *рухнет в обозримом будущем*» (курсив мой. — Ш. Ф.). В 1980 г.

политолог Северин Бялер опубликовал важный для американской советологии текст, в котором настаивал, что США пора отказаться от бесплодных надежд на смену режима и смириться с тем, что СССР никуда не денется. Руководствуясь схожими соображениями, Библиотека Конгресса в Вашингтоне, до того десятилетиями игнорировавшая существование Советского Союза под давлением эмигрантов и энтузиастов холодной войны, скрепя сердце наконец решила выделить ему отдельную категорию в своем каталоге. Это был в высшей степени разумный шаг и, как считали практически все исследователи Советского Союза, давно назревший. Однако библиотека могла бы и не утруждаться. Как оказалось, всего спустя десять лет никакого Советского Союза уже не будет и вносить в каталог станет нечего.

Кратчайшая история (1922–1991)

Когда я, будучи еще аспиранткой, впервые приехала в Советский Союз накануне пятидесятилетнего юбилея Октябрьской революции, мне и в голову не могло прийти, что я окажусь в числе исследователей, которым придется писать его некролог в год ее столетия. Продолжительность жизни СССР чуточку не дотянула до стандартных 70 лет, что немного больше ожидаемой продолжительности жизни советского гражданина, рожденного в конце советской эпохи (67 лет), которая была почти в два раза больше ожидаемой продолжительности жизни человека, рожденного на ее заре.

Историки по самой своей природе склонны представлять события так, будто они были неизбежны. Чем лучше объяснение, тем увереннее читатель, что другого исхода быть не могло. Но в моей «Кратчайшей истории...» я к этому не стремлюсь. Я считаю, что в человеческой истории предопределенности не больше, чем в составляющих ее судьбах отдельных людей. Все и всегда могло обернуться иначе — это касается и случайных встреч, и глобальных катаклизмов, и смертей, и разводов, и пандемий. Конечно, в случае Советского Союза мы имеем дело с революционерами, которые, следуя Марксу, считали, что история у них под контролем и что они в общем и целом знают, чего ожидать на каждой стадии исторического развития. В советской терминологии слова «случайно» и «стихийно» всегда были оценочными: они обозначали явления, которые, согласно Плану, вообще не должны были иметь места; но они же являлись одними из самых распространенных слов в советском лексиконе. Те же самые революционеры-марксисты, приверженные идее подчинить человеческому планированию природную и экономическую среду, в октябре 1917 г. пришли к власти — к собственному изумлению и вопреки своему же теоретическому анализу — практически случайно.

Парадоксов в советской истории, которую я собираюсь изложить, предостаточно, и не вызывает сомнения, что отчасти эти парадоксы — результат убежденности революционеров, будто в марксизме они обрели универсальный инструмент исторического анализа. К примеру,

марксистская теория учила их, что общества разделены на антагонистические классы, у каждого из которых есть свои политические представители, и что их партия — первоначально большевистская фракция Российской социал-демократической рабочей партии, а с 1918 г. Российская коммунистическая партия (большевиков) — представляет пролетариат. Иногда это было так, иногда нет, в зависимости от обстоятельств, но в любом случае это утверждение чем дальше, тем больше теряло смысл: вскоре после того как эта партия взяла власть, стало понятно, что основной ее функцией поддерживавшие ее рабочие и крестьяне считают обеспечение вертикальной мобильности (процесса, не описанного в марксистской теории).

Теория гласила, что новое многонациональное Советское государство кардинально отличается от старой многонациональной Российской империи (несмотря на то что границы их в значительной мере совпадали) и что центр его не может империалистическим образом эксплуатировать периферию — потому что империализм, по определению, является «высшей стадией капитализма» и социализму он полностью чужд. Как мы увидим далее, это представление, особенно в первые десятилетия, было более реалистичным, чем может показаться на первый взгляд; впрочем, нетрудно понять, почему жители неславянских регионов на периферии чувствовали порой, что жизнь под контролем советской Москвы не очень отличается от жизни под контролем императорского Санкт-Петербурга.

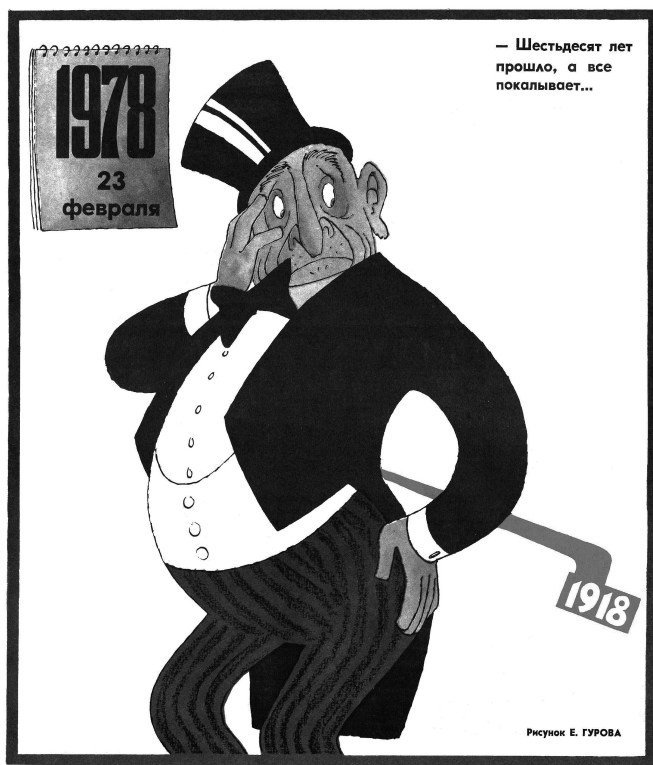
Отношение Запада к советской системе как к «тоталитарной» не задумывалось как комплимент. Но с советской точки зрения это вполне можно было принять за похвалу, отражающую самовосприятие коммунистической партии как всезнающего лидера, который прокладывает уверенный курс вперед, опираясь на научное планирование и держа под контролем каждую мелочь. Множество «случайных» изменений курса и «стихийных» отклонений от него были попросту несущественны в рамках этой грандиозной схемы, хотя в моей «Кратчайшей истории...» они сыграют важную роль. Конечно, люди, жившие в Советском Союзе, не считали их несущественными, и расхождение официальной риторики с жизненным опытом снабжало обильным материалом характерный для СССР жанр политического анекдота, который бурлил где-то в глубине общества неумолкающим дерзким комментарием. Контраст между «в принципе» (дежурная советская фраза, моментально вызывающая недоверие, наподобие «откровенно говоря», *frankly*, на Западе) и «на практике» был одной из популярных тем таких анекдотов. Другой была марксистская концепция диалектики, гласившая, что социально-экономические явления, такие как капитализм, заключают в себе свою же собственную противоположность (в случае капитализма — социализм). Заимствованным словом «диалектика» называли философскую идею, взятую из трудов Гегеля, но благодаря обилию обязательных занятий по «политическому просвещению» об удивительной способности диалектики объяснять явные

противоречия знало большинство советских граждан. Вот, к примеру, выдающийся образец советского анекдота о диалектике:

В чем разница между капитализмом и социализмом? Капитализм — это эксплуатация человека человеком, а социализм представляет собой его противоположность.

Марксистские прогнозы неизбежного краха капитализма, на смену которому придет социализм (вспомним бестактное заявление Хрущева: «Мы вас похороним!»), утешали советских коммунистов, которым приходилось бороться с «исторической отсталостью» России, чтобы превратить ее в современное, промышленно развитое, урбанизированное общество. К началу 1980-х гг. им это более или менее удалось. Мощь и статус СССР признавал весь мир. Существование «советского человека» не вызывало сомнений; он обрел близких родственников в социалистических странах Восточной Европы, несколько более неудобную родню в Китае и Северной Корее, а также почитателей в странах третьего мира.

Затем, в ходе одной из самых зрелищных и неожиданных «случайностей» в истории Нового и Новейшего времени, отнюдь не капитализм, а как раз советский «социализм» рухнул, уступив место тому, что по-русски называют «диким капитализмом» 1990-х гг. На свет свободы, моргая с непривычки, вышли 15 новых государств — преемников СССР, в том числе Российская



Карикатура Е. Гурова, посвященная Дню Советской армии (23 февраля 1978 г.). На ней изображен английский лорд, который все никак не оправится от провала британской интервенции в Россию в период Гражданской войны

Федерация, причем все, включая русских, громогласно жаловались на эксплуатацию, которой подвергались в Советском Союзе. «Чем был социализм и что будет дальше?» (What Was Socialism, and What Comes Next?) — ставила резонный вопрос статья, которой американский антрополог Кэтрин Вердери прокомментировала распад СССР; ее заглавие отражает тот факт, что в бывшем советском блоке внезапно стало неизвестным не только будущее, но и прошлое. На вопрос: «Что будет дальше?» — ни один благоразумный историк отвечать не станет. Вопрос: «Чем был социализм?» — может быть адресован политическим философам, которые станут искать ответ в канонических текстах, но я пойду другим путем — путем историка-антрополога. Что бы социализм ни значил «в принципе», нечто, нареченное в 1980-е гг. неуклюжей формулой «реальный социализм», сложилось в Советском Союзе «на практике». Перед вами его история от рождения до смерти.

.....

Предполагалось, что русская революция станет началом революционного пожара по всей Европе. План не сработал, и все ограничилось революционным государством в России — Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой (РСФСР) со столицей в Москве. Но волнения — с самыми разными исходами — охватили и нерусские регионы Российской империи. Прибалтийские провинции выбрали независимость; Царство Польское вошло в новообразованное польское государство. Однако к концу Гражданской войны, разразившейся после Октябрьской революции, на ряде других территорий образовались — часто не без помощи Красной армии нового революционного государства — свои собственные советские республики.

В декабре 1922 г. РСФСР, Украинская и Белорусская ССР (советские социалистические республики), а также Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (ЗСФСР) объединились в одно государство — СССР. Столицей его стала Москва (прежней столице империи, Петрограду, пришлось смириться со статусом второго по значимости города). Символом новой страны стали серп и молот, а девизом (написанным

на русском, украинском, белорусском, грузинском, армянском и азербайджанском языках) — слова «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Конституция нового Союза гарантировала республикам право на отделение, однако за без малого 70 лет ни одна из них этим правом не воспользовалась. В 1920–1930-х гг. в основном из территории РСФСР было выкроено пять новых среднеазиатских республик (Узбекистан, Туркмения, Таджикистан, Казахстан и Киргизия), а ЗСФСР распалась на три составные части: Грузию, Армению и Азербайджан. В 1939 г. СССР и нацистская Германия подписали секретный протокол о разделе сфер влияния, и в состав Советского Союза вошли три прибалтийских государства (Литва, Латвия и Эстония), а также Молдавия; число союзных республик достигло пятнадцати.

Несмотря на то что территория его была несколько меньше, Советский Союз со всей очевидностью являлся преемником Российской империи. Значило ли это, что он тоже был империей, где русские управляют горсткой внутренних колоний, которым придан вид национальных республик, — вопрос спорный. Западные державы, враждебные большевистскому режиму и мечтавшие о его падении, считали СССР империей, к тому же нелегитимной. Большевики же смотрели на свой Союз совершенно другими глазами. Далеко не все руководители партии были русскими; многие из них принадлежали к угнетаемым в старой империи меньшинствам: латышам, полякам, грузинам, армянам и евреям. Они

были кровными врагами российского империализма, с детства испытывавшими негодование из-за усиливавшейся в последние годы существования империи дискриминации нерусского населения. Делом своей жизни они считали освобождение бывших колоний — как внутри СССР, так и за его пределами, прежде всего в Азии (в том числе в Средней Азии, завоеванной Российской империей в XIX в.). Пропагандистские лозунги 1920-х гг. провозглашали «великорусский шовинизм» «основной опасностью», а это означает, что из всех национализмов в Советском Союзе по-настоящему вредным считался именно русский.

Большевики были верными марксистами-интернационалистами и вслед за Энгельсом считали национализм «ложным сознанием». Тем не менее они понимали его притягательность и тенденцию обостряться в ответ на попытки искоренения. Они не собирались допускать такой ошибки — они решили *поощрять* нерусский национализм, причем не только через развитие национальных культур и использование национальных языков в управлении, но и через создание отдельных органов исполнительной власти на местах, начиная с уровня республики (например, Украины) и вплоть до сельских поселений (в той же Украинской ССР существовали еврейские, белорусские, русские, латышские, греческие и другие «национальные сельсоветы»). Административный аппарат СССР не только оберегал национальную идентичность, но и помогал ее формировать — и это лишь один из парадоксов советской власти.

ПРОБЛЕМА ОТСТАЛОСТИ

Большевики были рационалистами и модернизаторами до мозга костей: главным пунктом своей программы они считали модернизацию страны, а именно промышленное развитие при ведущей роли государства. Собственно, именно это они во многом и имели в виду под словом «социализм». Отставание России от Запада они считали величайшим препятствием, которое требуется преодолеть. При этом, по их представлениям, у России имелся и свой собственный, внутренний «восток» — Средняя Азия, — который нужно было модернизировать и цивилизовать с помощью капиталовложений в инфраструктуру и промышленность, ликвидации безграмотности и того, что теперь называется «позитивной дискриминацией», т. е. социальных преимуществ для не представленных в управлении и культуре групп населения. Для СССР в целом модернизация и избавление от отживших традиций считались важнейшими задачами как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Юлианский календарь, действовавший в Российской империи и на тринадцать дней отстававший от принятого на Западе григорианского календаря, стал первой жертвой модернизации (к новому календарю перешли в 1918 г., и с тех пор день Октябрьской революции отмечался 7 ноября). Реформа правописания, эмансипация женщин (отмена целого ряда юридических ограничений, легализация аборт и разводов по взаимному согласию), а также отделение от государства

Русской православной церкви (по мнению большевиков, особенно вредного рассадника суеверий) и отмена сословий — все это было сделано в первые же месяцы после того, как большевики взяли власть.

Насколько отсталой была Россия до революции? «Отсталость» — расплывчатое понятие, которое неизменно опирается на сравнение с чем-то, что считается более развитым; Россию сравнивали с Западной Европой. Преодолеть отсталость и догнать Запад мечтал еще Петр Великий за двести лет до Октябрьской революции; с этой целью он насильно брил боярам бороды и построил новую столицу, Санкт-Петербург, как можно ближе к Европе. При наследниках Петра — прежде всего при Екатерине Великой, состоявшей в переписке с философами эпохи Просвещения Дидро и Вольтером, — Россия развивалась достаточно успешно, чтобы к началу XIX в. добиться признания в качестве великой европейской державы; это статус был закреплен разгромом наполеоновских армий на русских просторах. На протяжении XIX в. территория империи с юга прирастала Кавказом, а на востоке расширялась за счет завоевания Россией мелких среднеазиатских ханств. При этом русские крестьяне освободились от крепостной зависимости только в начале 1860-х гг. в ходе Великих реформ Александра II. Страна одной из последних в Европе приступила к индустриальной революции: подъем промышленного производства начался в России только в 1890-х гг. — на полвека позже, чем в Британии, — и сильно зависел от государственных инициатив (так



Красная площадь в Москве, ок. 1900 г. Заметьте, что площадь называлась так еще до революции («красный» означает «красивый»). Слева — собор Василия Блаженного, справа — Кремль

же как в Японии в тот же период) и иностранных инвестиций.

Согласно данным первой современной переписи населения, которая прошла в 1897 г., в империи проживало 126 млн человек, причем 92 млн из них — в Европейской России (включая нынешнюю Украину и восточную часть Польши). Остальное население главным образом делилось между польскими губерниями и Кавказом, где проживало по 9 млн человек; в Сибири и Средней Азии людей было и того меньше. Несмотря на то что в период между 1863 и 1914 гг. городское население Европейской



Лубянская площадь в Москве, ок. 1900 г. В 1926 г. она была переименована и стала называться площадью Дзержинского

России утроилось, уровень урбанизации и индустриализации резко падал по мере удаления от западных границ, так что польские губернии оставались самым развитым регионом империи. В Сибири в сельской местности проживало 92% населения. Грамотой владели менее трети граждан в возрасте от 10 до 59 лет, но эти данные маскируют существенный разрыв в уровне грамотности мужчин и женщин, горожан и деревенских жителей, молодежи и стариков. Среди двадцатилетних грамотными были 45% мужчин и только 12% женщин; среди пятидесятилетних уровень грамотности среди мужчин составлял 26%, а среди женщин еле дотягивал до 1%.

Вдобавок к высокоразвитым Варшаве и Риге (которых Советский Союз недосчитается после революции) страна располагала быстро развивающейся горной и металлургической промышленностью на Донбассе (который позже отошел к Украине). Большая часть предприятий там находилась в иностранной собственности, а рабочая сила в основном прибывала из русских деревень. Санкт-Петербург, Москва, Киев, Харьков и черноморский порт Одесса также вступили в период бурного промышленного развития, а Баку (город в Азербайджане, на берегу Каспийского моря) превращался в крупный центр добычи нефти.

Для целей управления и учета население все еще делили на сословия — дворянство, духовенство, мещанство, крестьянство и т. д.; у каждой такой группы были свои права и обязанности перед царем. В Западной Европе от подобного деления давно отказались, и ориентированной на Запад российской интеллигенции это казалось постыдным анахронизмом. К крестьянству, крупнейшему из сословий, относилось 77% населения, а городские сословия и состояния составляли скромные 11%. Интеллигенция, или образованный класс, выглядела аномалией, не вписывающейся в существующую схему.

Несмотря на то что Российская империя была многонациональным государством, концепция национальности оказалась слишком передовой для царизма, и при переписи 1897 г. учитывались только данные о вероисповедании и родном языке. Около двух третей жителей

империи назвали родным языком русский, но к их числу относились и те, кого сегодня мы назвали бы украинцами или белорусами: к «великороссам» были причислены только 44%. Что касается религии, около 70% подданных империи называли себя православными (включая и пару миллионов староверов, отколовшихся от государственной православной церкви в XVII в.); 11% составляли мусульмане, 9% — католики, 4% — иудеи.

Для Западной Европы, особенно для Британии, царская Россия стала символом непросвещенной автократии, чему немало способствовала активная пропаганда со стороны русских революционеров в изгнании, использовавших преимущества либерального британского подхода к предоставлению убежища. Весь «цивилизованный мир» знал о практике политической ссылки в Сибирь и резко осуждал ее, как позже, в период холодной войны, будет осуждать и ГУЛАГ. Несмотря на огромный размер и статус великой державы, шаткое положение царизма стало очевидно в 1905 г., когда Россия понесла унижительное поражение в войне с Японией и еле устояла в ходе революции, которая вспыхнула чуть ли не на всей ее территории: чтобы усмирить волнения, потребовалось больше года. Революция 1905 г. обеспечила российских радикалов героической легендой и стихийно породила новый революционный институт — выборный орган под названием «совет», наделаемый как исполнительной, так и законодательной властью. Она же вознесла к вершинам популярности харизматического лидера Петербургского совета Льва





Российская империя

Троцкого, марксиста из фракции меньшевиков. Вождь большевиков Владимир Ленин, который, как и Троцкий, вернулся из эмиграции, к революции 1905 г. опоздал и заметной роли в ней не сыграл.

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ В ОЖИДАНИИ

Если вы хотели бы устроить в России революцию, искать поддержки у угнетенного крестьянства могло бы показаться самой очевидной стратегией. Именно так рассуждало первое поколение революционеров — так называемые народники, доминировавшие на радикальной политической сцене в 1860–1870-е гг. Помня о давней российской традиции крестьянских бунтов, они считали мужиков потенциальными ниспровергателями царей, а также источником незапятнанной нравственной мудрости. Однако крестьяне давали эмиссарам народников от ворот поворот, воспринимая их как представителей городской элиты, с которой у них не было ничего общего. Именно разочарование из-за такого отпора подготовило почву для распространения марксистских идей среди революционеров 1880-х гг. Будучи последователями немецких идеологов социализма Карла Маркса и Фридриха Энгельса, российские марксисты опирались на «научно предсказанную» «неизбежность» революции: капитализм в силу исторической необходимости должен был уступить дорогу социализму. Революционным классом, избранным орудием истории, назначался промышленный пролетариат, порождение самих